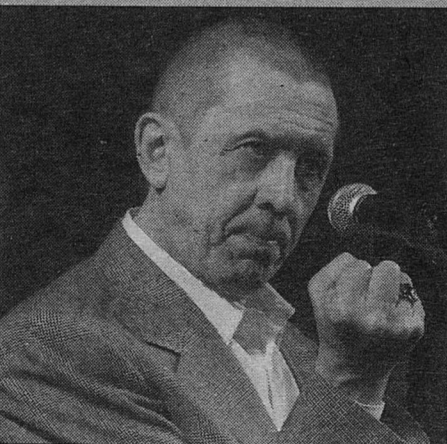
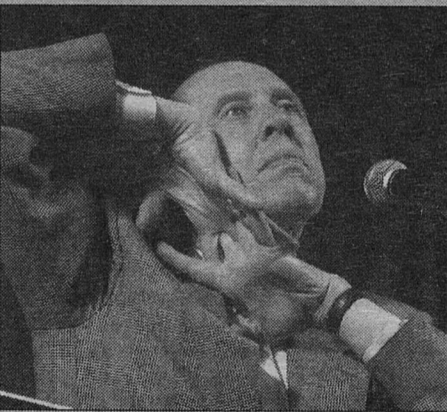

Народная газ. — Ульяновск, 2003, апр. с. 12

«Что вы хотите от театра!»

Творческие встречи с артистами — дополнительный заработок для них и приятные минуты общения с кумиром для их поклонников. Ульяновское отделение Фонда культуры уже несколько лет поддерживает серию таких встреч «И любим, и помним...», на последней из которых в театре драмы побывали народный артист Валерий Золотухин и известный бард Константин Тарасов.

Кто начинал работать с первых дней в Театре на Таганке — оказался окутан ореолом Владимира Высоцкого. Золотухин называл себя его собутыльником, что, как известно, в некоторых случаях больше, чем друг. С каких-то пор Валерия Сергеевича если и приглашают на телевидение, то исключительно по датам смерти и рождения Высоцкого, чтобы в очередной раз послушать воспоминания актера. Свое выступление в Ульяновске он так же начал с рассказа о знаменитом коллеге, прочитав отрывок из собственной книги, которой он, кстати, собственноручно торгует в фойе Театра на Таганке между спектаклями. В рассказе «Банька» Золотухин вспоминает, как во время съемок фильма «Хозяин тайги» за свежее молоко и самогон показывал аборигенам из местной деревушки живого Высоцкого.

«Я завидую Высоцкому самой черной завистью, — сказал Золотухин. — Но не так, как, скажем, Пушкину, а сильнее и хуже, потому что имел честь и несчастье быть рядом».

Золотухин был очень рад побывать в Ульяновске, ибо такие творческие встречи вообще стали редкостью. Размышляя о разрыве связей культурных, территориальных и между поколениями, актер описал произошедший с ним анекдотический случай. Сидя перед лотком со своими книгами, он наблюдал, как стайка молоденьких девчушек мялась около него, уловив что-то знакомое в чертах лица и гадая, кто таков, пока наконец не решились подойти: «Дайте автограф!». Расписавшись в протянутом блокнотике, Валерий Сергеевич спросил: «А вы хоть знаете, у кого вы сейчас автограф взяли?». Девчушки радостно сообщили: «Вы Соломин!». У истории есть продолжение. Придя домой, Золотухин рассказал обо всем младшему сыну, ему сейчас 23 года. Уже посмеялись, как сын вдруг спрашивает: «Пап, а кто такой Соломин?»...

В программе актер попытался дать зрителям как можно более широкое представление о себе. Были моменты ностальгические, почти грустные, смешливые, забавные и даже страшные, когда мурашки бегали по коже от есенинского «Черного человека». Да простят меня устроители мероприятия, абсолютно не в кон было выступление бесспорно хорошего автора-исполнителя Константина Тарасова, который буквально разорвал тонкую ткань, сплетенную Золотухиным, выйдя на сцену в середине представления. Что же, бард и актер приятельствуют и, видимо, одному без другого было скучно ехать на гастроли в другой город.

Перед концертом Золотухин и Тарасов зашли в один из ульяновских ресторанов отобедать. Народный артист был в хорошем расположении духа, делал комплименты официанткам. У одной спросил: «Как звать тебя?». Вместо от-

вета девушка показала бирку со своим именем на униформе. Валерий Сергеевич продолжал настаивать: «Да ведь я слепой, не могу разглядеть, как же звать-то?». И тут, осмелев, официантка ответила: «А вот мы с девочками ваше интервью в «СПИД-инфо» прочитали, и нам показалось, что вы очень даже зрячий!». Уж не знаю, о чем актер рассказывал в том интервью, а нам поведал следующее.

— Уж простите мне такую наглость, только доложу вам, рефлекс выработался: если по телевизору показывают Золотухина, значит, сейчас начнут рассказывать о Высоцком. Вас самого-то это не тяготит?

— Для меня вы открываете Америку. Меня еще ни разу не пригласили на телевидение, чтобы рассказать о Высоцком. Наоборот, я добиваюсь этого. То, что вы видели в последнее время, было приурочено к 65-летию Владимира Семеновича, но, согласитесь, глупо было бы рассказывать о себе и своих новых ролях в день рождения Высоцкого. Я вниманием телевидения вовсе не обойден, думаю, сейчас вы придете домой, включите телеприемник и увидите меня (не соврал актер, в тот вечер на канале «Россия» показывали передачу «Театр+TV» с участием Валерия Сергеевича. — Прим. авт.). Но я вам скажу, мы много говорим о Высоцком, но мало думаем. Меня эта тема нисколько не тяготит, потому что я с ним не расстался. Это подарок судьбы, что я долгое время работал с таким явлением. Но ведь лицом к лицу лица не увидеть, поэтому чем дальше, тем больше возникает тем, связанных с Высоцким. Мне понравилось, как один журналист написал, что вокруг Высоцкого было много известных людей — Золотухин, Филатов, Демидова, но даже такие, получившие всемирную известность, как Шемякин и Марина Влади, останутся в памяти не более чем окружение Высоцкого (смеется). Это, конечно, прозвучало хамски, но если глядеть на это с иронией, то в общем — да, и даже жена и любимая Влади — не более чем окружение.

— Вы вспоминали о разорванных связях, я даже уловил ностальгию в ваших словах. Вы скучаете по тем временам, когда запрещали спектакли, когда были гонения, когда в Театре на Таганке царил дух революции?

— Это очень глубокий вопрос, требующий долгого размышления. И он сродни тому, как спрашивают у мужика, когда лучше жилилось — при Сталине, при Брежнев или при Путине? Он отвечает, что, конечно, при Сталине. Его опять спрашивают, как же так, мол, тогда же полстраны сидело, пол — охраняло?! А бабы были моложе! Когда театр был молодой — это одно дело, а когда его создателю (Юрию Любимову. — Прим. авт.) 85 лет, и всем, кто начинал, прилично лет, мне уже 62, — это совсем другое. Сегодня театр со-

всем изменился. Тогда были одни деньги, сейчас другие, у меня в одном кармане рубли, а в другом доллары. Время-то как изменилось, что вы хотите от театра!

— Ваше суждение, особенно о бабах, что были моложе, вполне закономерно, но я хотел спросить о другом. По-вашему, нужна ли цензура?

— Нужна! Мы кричали против нее, но теперь вы видите, что творится, теперь-то мы поняли, что она нужна. В каждом деле бывают перегибы, в царском режиме тоже была цензура, но цензоры-то были Тютчев или Островский. Страна была верующая, соблюдались еще и православные каноны. Мы же сейчас неграмотные! Мы если и говорим б..., это уже считается самым нецензурным, хотя это же самое мягкое. Цензура нужна, но не политическая, а эстетическая, этическая. Общество было не подготовлено, оно рухнуло в свободу. Нашей революции десять лет, нужно время, чтобы общество выработало какие-то нормы.

— Вы часто хулиганите на спектаклях, как, например, когда вы читали нецензурные басни Николая Эрдмана?

— Это я для красного словца рассказывал про басни-то. Я хулиганю в пределах допустимого. Правда, была у меня одна история, когда я спорил с Лениным в спектакле «10 дней, которые потрясли мир», спорил с фонограммой, но это... Я понимаю направление вашего вопроса, спорить с режиссером или настаивать на своем обязательно надо, но в пределах. Потому что чаще актеры спорят с режиссером от собственного бессилия выполнить его творческий замысел.

— Скажите, а творческие встречи для вас не попытка ли свергнуть режиссера?

— Ну уж свергнуть!!! (смеется). Это прежде всего заработок. Но, конечно, кроме этого тут у меня появляется та свобода выбора, когда я могу определять программу выступления по своему вкусу. И таким образом удовлетворить все свои эстетические потребности, хотя это трудно сделать за полтора часа. Когда меня просят выступить на полчаса, я отказываюсь, и за час не успеваю. Потому что хочется, чтобы зритель получил обо мне полное и комплексное представление.

Когда мы уже закончили интервью, Валерий Золотухин затеял фотографироваться на фоне огромного портрета Сталина, который висит в гримерке Алексея Дурова и Михаила Петрова. Для своей затеи с огромным букетом цветов в руках народный артист залезал на кресло, корчась на его ручках, чтобы было повыше. «Вот теперь я точно не забуду, что был в Ульяновске», — сказал он нацеливавшему на него объектив фотоаппарата Константину Тарасову.

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Сергея ЕРШОВА.

404.03.
Засобуджен Валерий